

18+

Мария Романушко

Чаепитие
на берегу
Босфора

Мария Романушко

**Чаепитие на берегу Босфора.
Повесть-путешествие
во времени и в пространстве**

«Издательские решения»

Романушко М.

Чаепитие на берегу Босфора. Повесть-путешествие во времени
и в пространстве / М. Романушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512213-1

Новая книга М. Романушко — это дневник её путешествия в Стамбул в гости к сыну, известному путешественнику Антону Кротову. Эта поездка оказалась для автора не только путешествием в пространстве, но и во времени — с возвратом к своим истокам, с погружением в генетическую память... А в настоящем времени каждый день происходило множество захватывающих историй...

ISBN 978-5-00-512213-1

© Романушко М.
© Издательские решения

Содержание

3 апреля 2012 года. Лечу к Антону в Стамбул...	6
4 апреля 2012 года. День первый. Чаепитие на берегу Босфора	15
5 апреля, четверг. День второй. Обед с профессором – без профессора	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чаепитие на берегу Босфора
Повесть-путешествие
во времени и в пространстве
Мария Романушко

© Мария Романушко, 2020

ISBN 978-5-0051-2213-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

3 апреля 2012 года. Лечу к Антону в Стамбул...

А всё началось со смешного: я думала, что улетаю четвёртого апреля.

Но заботливый сын спросил «В Контакте»: «Ну что, завтра встречаю тебя?» «КАК ЗАВТРА??!!» – изумилась я. «Ну, проверь дату в билете», – посоветовал Антон.

– Гавр, где мой билет?!

Билет, купленный для меня Антоном ещё в феврале, тихо-мирно лежал в ящике письменного стола. И с февраля в моём мозгу отпечаталось: « . Почему?.. Вспомнила: изначально хотела лететь действительно четвёртого, но удобного рейса в этот день не оказалось. Поэтому Антон взял билет на третье. *четвёртое апреля*»

И сам вскоре уехал – в тот же самый Стамбул, но его путь в этот город лежал по земле: через Украину, Венгрию, Сербию, Грецию... В некоторых городах этих стран у него были запланированы выступления.

А я в это время так закрутилась с двумя вечерами, Енгибаровским и Каптеревским, что было мне недосуг взглянуть лишний раз на билет. Хотя знаю за собой эту слабость: я плохо запоминаю цифры. Хорошо запоминаю лица, запахи, ощущения... А цифры – нет.

Ну вот: думала, что у меня ещё целый день впереди – чтобы доделать кучу дел! Оказалось – только ночь...

Кинулась шить себе мусульманскую юбку. Хотя Антон на мой вопрос: «Как в Стамбуле одеваются женщины?» ответил: «По различному. Кто – в юбках, кто – в брюках», но я всё же решила пошить себе юбку до пят. Всё-таки я и на Пасху буду в Стамбуле. Вдруг получится сходить в церковь?..

В суматохе не заметила, что Кеша выскочил на балкон. А там – ЗИМА!!! Метель, ветрище!.. Он часа три там дрожал. А потом стал грызть балконную дверь...

– О Боже! Кеша, ты – на балконе?!!

– Я был уверен, что он под тахтой, – сказал Гавр.

Уши у моего крольчонка были, как две сосульки... Господи, хотя бы не простудился! Завернулись с ним в тёплый плед, как мы часто это делаем – играем с кроликом в игру под названием «Мы – норные животные», Кеша любит эту игру, и сразу начинает что-то ласково урчать мне на ухо – свою кроличью песенку... Да, кролики умеют петь, но мало кто об этом знает. Кеша, я буду скучать по тебе! Гавру и Ксюше я смогу написать, позвонить, а твою тёплую песенку не услышу целых две недели...

* * *

Не выспалась, конечно. Но юбку пошить успела. И сложилась. Надеюсь, ничего не забыла. Попрощалась с Гавром, с Кешей, с птичками. Мелькнула предательская мысль: «Столько дел! И куда я еду?..» Но. Если билет в кармане, если за морем меня ждёт сын, – надо ехать.

А провожать меня поехала дочка. Отобрала у меня и рюкзак, и сумку. Шли к метро – метель мела такая, как будто не апрель на дворе, а февраль!.. И сугробы на газонах – по пояс. Бедные таджики едва успевают расчищать пути-дорожки для пешеходов, скидывая и скидывая на газоны обильные снега...

Ксюша проводила меня до Киевского вокзала. Попрощались на целых две недели. Я редко уезжаю так надолго. Они-то с Гавром, было время, каждое лето куда-нибудь уезжали. А я оставалась с нашими милыми животными. Но теперь Ксюша обзавелась ещё двумя, от которых так просто уже не уедешь...

– Привет лошадам! – сказала я.

– Ага.

– Пусть у тебя всё будет хорошо, милая!

– Само собой, – улыбнулась она.

И помахала мне в окошко...

* * *

От Киевского до аэропорта я доехала на шикарном аэроэкспрессе.

И вот я во Внуково. Смотрю на табло. Что это?.. Мой самолёт, который должен был лететь в 18—55, решил лететь в 21—45! То есть – на три часа позже?! Вот за что люблю поезда. За их точность. Но поезда по морю не ходят...

Ах, сколько бы дел передела за это время дома!.. И крольчонка бы ещё приласкала...

В Стамбуле буду к ночи. Антон, конечно, встретит. Он уже прислал мне сообщение, что скоро выезжает в аэропорт. «Не торопись», – ответила я.

Жаль, что не увижу Чёрное море, когда буду пролетать над ним... не увижу Крым... а так хотелось!

* * *

Внуково – красивый аэропорт. Но – бестолковый. Битый час искала администратора. Чтобы узнать: почему перенесён рейс при такой идеально лётной погоде? Но причина осталась покрыта тайной. Может, из-за малого количества пассажиров мой рейс совместили с другим? Но тогда должны были сообщить заранее. А если бы совместили с тем, что летит раньше? И я опоздала бы... Цивилизованные люди должны предупреждать клиентов.

Но... «такова слякоти», как говорила моя крёстная.

Итак, впереди у меня четыре часа ожидания... Один час из пяти я уже прогуляла по Внуково, изучив все его закоулки. При желании могу теперь водить экскурсии.

Что хорошего во Внуково? Просторы, малолюдье, но самое лучшее – это крыша, она же – потолок! Он похож на купол в одесском цирке! Как будто осиные соты... Но в Одессе перепонки деревянные, а во Внуково – металлические. Умеют же красиво строить! А в некоторых местах соты крыши-потолка прозрачные. И видно НЕБО, и как плывут в ослепительной синеве кучевые облака, озарённые солнцем... Облака, хоть и похожи на июльские, но переполнены снегом...

Шли с Ксюшей к метро – метель залепляла лицо большими пушистыми хлопьями!.. Я только сегодня вылезла из зимнего пальто, зато надела на себя практически всю одежду, которую решила взять в Стамбул. (Кроме мусульманской юбки, конечно). И всё равно зима пронызывала меня насквозь своими ледяными иглами... То, что уже сегодня я окажусь в другом времени года, – в это как-то не очень верилось...

* * *

Несколько слов о том, почему я так закрутилась, что некогда даже было посмотреть на дату вылета в Стамбул.

Только сдала в типографию печатать свою новую книгу «Легко ли быть ребёнком?» – тут же кинулась готовить вечер, посвящённый Леониду Енгибарову. Он должен был состояться 15 марта в музее Маяковского. За последние годы это уже стало традицией – праздновать в музее Маяковского день рождения Великого Клоуна.

Каждый год мы готовим совершенно новую программу: ищем старые фильмы с участием Енгибарова, которые мало кто видел. Друг нашей семьи и страстная поклонница Енгибарова Ирина Ходатай нашла недавно фильм «Мама, папа, я и цирк» 1963 года выпуска, документальный, с элементами простейшей мультипликации. Его вообще никто не видел! Оказалось, что в этом фильме – самая ранняя запись Енгибарова в манеже – три клоунады, причём, не фрагменты, а в полном виде. Ирина – удивительный человек, она умеет всё находить! Моя бесценная помощница.

А мой добрый знакомый Евгений Соловьёв помогает мне старые фильмы перевести в новый формат, чтобы можно было показать их на вечере через проектор. Я обычно ищу новую музыку к этим старым кадрам. Женя совмещает музыку с изображением, я пока этого не умею делать, Женя умеет всё. Спасибо ему! Сидим обычно у него на Преображенке, перед

его огромным супер-компьютером до ночи... И каждый раз всё успеваем сделать за один мой приезд, с каким бы объёмом работы я не приехала.

Точно также с Антоном. Ни с кем больше у меня так не совпадает рабочий ритм. И ни с кем больше у меня нет такого мгновенного понимания, когда мы делаем общее дело (вёрстка книги или подготовка видео), – только с Антоном и Женей. Слава Богу, что у меня есть такая опора.

Но, кроме фильмов, каждый раз – совершенно новая и неожиданная для зрителей программа вечера!

15 марта в этом году была презентация новой книги Енгибарова «Я подарю тебе звёздный дождь», которую я недавно издала. Опять же – с помощью друзей: Иры Ходатай, Жени Андриановой, Володи Кулакова, Кислухиных, Шихиревых, Симонянов, и многих других. На издание требовалось немало денег – каждый внёс, сколько смог. В итоге, нужная сумма набралась.

В книге «Я подарю тебе звёздный дождь» удалось собрать и явить читателям всё, что было написано Леонидом Енгибаровым: не только его коротенькие лирические новеллы, известные многим, но и неизвестные пока никому повести, гротесковые и фантастические рассказы, и даже стихи. На вечере мы говорили о книге, читали из неё новеллы и рассказы. Выступали молодые мимы, двое ребят приехали даже из Питера. Выступал плейбэк-театр «Парафраз» (театр спонтанной импровизации). Зрители зачитывали вслух новеллы, а актёры плейбэка, без всякой предварительной репетиции, разыгрывали по новеллам маленькие спектакли...

Подготовить такой вечер – это стоит большого труда. Собрать зал – тоже. Хорошо, что Ксюша сделала сайт Енгибарова – теперь вся информация здесь. Вести вечер должна была опять же Ксюша, но в новом формате – в образе клоуна. То, что она готовила на этот раз – это был настоящий моноспектакль...

Как всегда, Ирочка Ходатай помогла мне обзвонить добрую сотню друзей и знакомых. А 15 марта отвезла нас в музей Маяковского на своей маленькой волшебной машинке, в которую удивительным образом помещается всё: чемоданы с фотографиями и гобеленами, множество пачек книг и всё необходимое для оформления зала: огромный портрет Енгибарова, его афиша и большой красный манеж, который я пошила своими руками...

Иру мы называем нежно: наш ангел-водитель. Бог послал нам такого отзывчивого и бескорыстного друга, готового в любую минуту прийти на помощь. Ира, спасибо за всё!

* * *

А только прошло 15 марта, – на следующий день я уже писала сценарий Каптеревского вечера... Когда покупался билет в Стамбул, дата проведения этого вечера ещё не была назначена. Но теперь она была уже определена. Вечер состоится 21 апреля в том же музее Маяковского, где проходят Енгибаровские вечера...

На подготовку мне было отпущено всего две недели...

Этот вечер я мечтала провести уже несколько лет. Вечер, посвящённый гениальному художнику Валерию Каптереву и его жене – замечательному поэту Людмиле Окназовой. Живопись Каптерева можно поставить вровень с живописью Ван-Гога, Матисса, Сезанна. А дух поэзии Окназовой живёт на тех же высотах, на которых – поэзия Мандельштама, Гумилёва, Ахматовой... Каптерев был ровесником XX века, Людмила Фёдоровна – на пять лет моложе. Оба ушли в начале восьмидесятых годов...

Наша с Гавром молодость была озарена дружбой с этими удивительными людьми... Более того, Людмила Фёдоровна стала моей крёстной, а через несколько лет – и крёстной Гавра.

При жизни Валерий Всеволодович практически не выставлялся – не вписывался в царящую тогда советскую идеологию. По той же причине Людмила Фёдоровна не увидела при жизни ни одной своей книги...

* * *

Потом, когда сменилась эпоха, художник Елена Колат стала периодически устраивать выставки Каптерева. Их уже было семь, и хочется ещё!

А мы с Гавром издали три книги Людмилы Окназовой.

«Нужно организовать Каптеревский вечер...» – не оставляла меня в покое мысль. Но просто не хватало сил на всё одновременно!

Стимулом послужило то, что вышла книга репродукций картин Валерия Каптерева. Наконец-то! Спасибо всё той же Елене Колат. Она сделала огромное дело. Этого ждали все, кто любит живопись Валерия Каптерева – поразительного русского художника, ещё, по сути, не открытого, ещё не оцененного в родном отечестве. Как не умела Россия ценить свои таланты, своих гениев, – так и не умеет!

* * *

Гавр взял на себя очень важную работу: поиск людей каптеревского круга. А я стала готовить слайд-шоу картин Каптерева. И вела переговоры с теми, кто прочтёт стихи Людмилы Фёдоровны, кто расскажет об их доме, об их удивительной семье – о творческом союзе двух ярчайших личностей... Слава Богу, ещё живы люди, которые знали Каптеревых, дружили с ними, учились у них творческой независимости и духовной свободе.

Многие с радостью откликнулись на наше предложение выступить на вечере. Прежде всего, Елена Колат – талантливая кукольница и художник, знающая Каптеревых с детства; искусствовед Елена Грибоносова – автор интереснейшей статьи о каптеревской живописи; друзья каптеревского дома – религиозный философ Сергей Зик, известный бард Сергей Крылов, актёр и поэт Пётр Чевельча, Ирина Хуциева, художник и поэт Лариса Жук, Василий и Анжелика Немировичи-Данченко... Молодая актриса Марианна Беспалова готовила композицию по стихам Людмилы Окназовой...

Когда на Енгибаровском вечере я раздавала пригласительные билеты на Каптеревский вечер, многие с интересом спрашивали меня: «А эти Немировичи-Данченко имеют какое-то отношение к основателю Художественного театра?» Самое прямое! Василий Немирович-Данченко – родной и единственный внук Владимира Ивановича Немировича-Данченко, основателя МХАТА. Творчество внука тоже связано с легендарным театром, который родился из мечты его деда о . Василий Михайлович, будучи музыкантом и композитором, заведует музыкальной частью МХАТА, пишет музыку к спектаклям. А жена его Анжелика – прекрасная актриса и тоже музыкант. У них есть замечательный спектакль, который они играют вдвоём. Спектакль под названием «Семь жизней Вл. И. Немировича-Данченко». Василий играет в этом спектакле своего деда, а яркая, темпераментная Анжелика – всех остальных: Станиславского, Чехова, Горького и многих других. Этот спектакль построен на документах, письмах и дневниковых записях. Ни слова домысла. Анжелика – автор сценария. Спектакль, который связывает времена и эпохи, даёт почувствовать глубину и полноту неумирающего Прошлого... *новом театре*

Мне хочется, чтобы и Каптеревский вечер, также, как Енгибаровские вечера, как спектакль «Семь жизней», связал бы волшебной нитью времена и эпохи, которые в нашей стране с такой лёгкостью распадаются!.. И нужно прикладывать огромные усилия, чтобы вновь и вновь восстанавливать связь времён – как налаживать связь между галактиками...

* * *

Надо было ещё продумать, как оформить зал, где расставить картины, как развесить фотографии. Решила задрапировать колонну и прикрепить на ней фотографии Каптерева и Людмилы Фёдоровны. Купила ткань для драпировки. Уже начала шить...

Так что не мудрено, что в вихре всех этих дел и переживаний я забыла про дату вылета в Стамбул.

* * *

Драпировка на колонну осталась недошитой... Вернусь – дошью. У меня ещё будет целых два дня!

А Гавру за две недели моего отсутствия надо будет обзвонить всех-всех-всех! Друзей и знакомых. Чтобы все пришли на Каптеревский вечер! Ему вызвалась помочь, как всегда, Ира Ходатай. Ну, вдвоём они справятся!

* * *

И соты, и солнце, и облака отражаются в мраморном полу аэропорта... Солнце светит и вверху, и под ногами, облака плывут над головой и плывут по мраморным просторам...

Нашла удобную скамью, вынула толстую общую тетрадь и – начала писать дневник моего путешествия в Стамбул. Поняла, что эти часы ожидания мне отпущены специально – чтобы я настроилась на отпуск. Чтобы меня отпустили мои бесконечные дела и заботы. Чтобы душа переключилась на другое. Чтобы душа была способна вместить это другое...

* * *

Я очень надеялась, что успею до отъезда получить сообщение из редакции «Жди меня». Была уверена, что, отправляясь в Константинополь-Стамбул, буду держать в руках адрес моих константинопольских родственников.

Но – увы. Поиск – не такое простое дело... Но, может, там, в Константинополе, я найду Архив Русской армии и уже на месте что-то узнаю? Наверное, на месте это будет проще. Константинополь на расстоянии представлялся мне не очень большим (хотя и с большой историей) провинциальным городом (давно уже не столица), где на центральной улице, в красивом старинном здании находится Архив Русской Армии, и все местные про него знают. А в Архиве сидит человек, хорошо говорящий по-русски, который быстро, без проблем, найдёт сведения о двух бабушкиных братьях...

* * *

Да, я лечу в Константинополь. Прежде всего. А то, что он ещё и Стамбул – это моему сердцу пока мало что говорит. Только одно: в Стамбуле уже второй месяц живёт мой сын Антон, который пишет про Стамбул путеводитель.

Он там снял в Старом городе две маленькие квартирки по соседству, на одной лестничной клетке, – и устроил в них «Дом Для Всех», или «Дом для всего человечества». Это – его любимый проект, которому уже шесть лет. Дом для всех в разных концах земли... В любом уголке земли... Можно его назвать и «Дом АВП» – дом Академии вольных путешествий. Академия – тоже детище Антона. Сначала родилась Академия. Потом родился Дом. Академии в этом году исполняется семнадцать лет...

«Дом Для Всех» уже был в Иркутске, Оше, Каире, Владивостоке, Архангельске и Душанбе. Я была в одном таком Доме – в Душанбе. И это было так прекрасно, что я решила: если следующие дома будут в пределах моей досягаемости – я непременно приеду!

* * *

В 19—30 зарегистрировалась. Прошла в зал ожидания посадки. Здесь почти пусто... Почему-то мало кто летит куда-то в этот час. Ушла в самый дальний угол зала, где вообще ни души, села за большой колонной, вынула дневник – и почувствовала наслаждение: от одиночества, оттого, что я никуда не бегу, оттого, что не звонит телефон и не гудит компьютер.

Огромные окна, а в них – лётное поле, закат, самолёты... Вспомнился рассказ Енгибарова «Зависть». Подумала: интересно, а все эти люди, которые работают в аэропортах, на лётном поле – они все мечтали о небе?.. Хотели стать лётчиками, как я когда-то в детстве?.. И если бы мечта моя сбылась, то я летала бы часто, может быть, каждый день... Но стало ли бы для меня обыденностью – НЕБО?.. Может ли оно быть одинаковым – завтра, как вчера? Ведь оно каждую секунду – ДРУГОЕ!

На лётном поле стемнело – и самолёты уютно замигали огоньками...

* * *

О стариках...

Я должна это записать, пока не забыла. Получила сегодня утром письмо от Жени Соловьёва, моего доброго друга. Он написал, что умерла их старенькая родственница, которой было уже за девяносто, и они с мамой очень опечалены этим...

И в ту минуту, когда я читала Женино письмо, я поняла, для чего нам нужны старики. Так отчётливо я этого раньше не понимала.

Старики – наш щит. Они стоят между нами – и Небытием. И пока они стоят на этой, Последней Ступени, – мы до тех пор можем чувствовать себя детьми (даже если мы уже давно взрослые, или даже старые.)

Женина мама, которой самой уже за восемьдесят, приходилась этой родственнице племянницей, а Женя, которому пятьдесят, – внуком. Два года назад и у меня ещё был двоюродный дедушка Жора в Киеве, ему тоже было за девяносто, и мне казалось, что дедушка будет ВСЕГДА. Да, кажется, что наши старики будут жить ВЕЧНО. Их столько раз уже обходила смерть, они прошли через столько испытаний, и всё одолели, – то почему бы им не жить вечно?.. Мой дедушка, Георгий Павлович Романушко, прошёл войну, и столько всего было ещё в его жизни, но его глаза оставались ярко-голубыми, память свежей, внимание острым, интерес к жизни – как у юноши.

И ВДРУГ наши старики уходят... И – Небытие с той минуты глядит нам прямо в глаза и в душу. Теперь уже МЫ оказываемся на этой, Последней Ступени. А всего два года назад я была для дедушки Жоры маленькой девочкой – внучкой... И вот уже между мной и Небытием – никого. Потому что родители ушли ещё раньше. И теперь уже я сама являюсь тем самым щитом для своих детей...

* * *

Кто опаздывает?..

Ежеминутно объявляют фамилии тех, кто опаздывает на рейс. И кому надо стремглав мчаться, догоняя свой самолёт, если он хочет-таки улететь...

Это надо же иметь такую фамилию – Лакеев! Почему этот человек не сменил фамилию? Да, он тоже опоздал. Хотя человек с такой фамилией должен всегда приходить вовремя – фамилия-то обязывает.

Смешно: среди опоздавших – много знакомых фамилий: Субботина, Бронникова, Федоренко... И так далее. Как будто десятки моих знакомых решили сегодня опоздать на свои рейсы – от Воронежа до Сочи...

Смотрю на огни лётного поля... Буду лететь во тьме. Смотрю на часы... Сижу во Внуково уже более четырёх часов! Когда же объявят посадку на мой самолёт? И тут до меня доходит... что за всё время, что я тут прохлаждаюсь, ни разу не объявили о посадке на самолёт! Что за странная система??? Зачитывают только фамилии опоздавших на рейс!

Всё, бегу на посадку! Пока я сама не стала опоздавшей! Уже ведь 21—21. А отлёт в 21—45. Да, вся фишка в том, что о начале посадки не объявляют. Побежала!..

...Успела!..

Было бы смешно: приехать на пять часов раньше – и в итоге опоздать.

* * *

А наш рейс задержали ещё на сорок минут! Нет, всё-таки поезда – более обязательные существа. Поезд сказал: отбываю – и отбывает. А самолёт сказал: отлетаю – но почему-то не летит...

Ну, наконец-то полетели!.. И тут я поняла, почему вылет сдвинули почти на ночь. Залитая огнями Москва под крылом самолёта – это очень красивое зрелище!..

Я сижу у окна, и под моим окном – сильное, мускулистое, надёжное крыло! Некоторые из моих знакомых боятся летать. Я же испытываю истинное наслаждение, особенно во время взлёта. Мои губы невольно растягиваются в блаженную улыбку, мысленно я – рядом с первым

пилотом, держу вместе с ним штурвал. Я выруливаю на взлётную полосу... Я разбегаюсь... Я – взлетаю!.. Лечу!!! Это не сравнить ни с чем. Может, в каком-то из предыдущих воплощений я была птицей?..

Когда во время прогулки я вижу птиц... большие стаи ворон в кронах старых деревьев в нашем парке... Или надо мной пролетает с детским, озорным писком стая ласточек... Или я вижу блаженно купающихся в луже воробьёв... Или по перилам моего балкона прогуливаются задумчиво голуби... Или кормлю милых уток на нашей бухте... – из сердца моего невольно вырывается: «Птички мои!» Чувствую, что мы – родня.

Я уж не говорю о своих домашних птичках – о японском петушке Нандике и его подружке – прелестной курочке Кузе. Они меня вообще за свою мать держат. И уж если я – мама птичек, то, наверное, я и сама – птица? (Хотя бы отчасти). Так как же мне не любить летать? И чего бояться?..

* * *

Самолёт и экипаж – Турецкие авиалинии. Пассажиры – тоже сплошь турки. Все с жадностью схватили свежие турецкие газеты, торчащие перед каждым сидением, и погрузились в изучение турецких новостей...

Рядом со мной – пустое место. Турок лет пятидесяти занимает третье место в нашем ряду. Я вспомнила сетования знакомых женщин на приставучесть турецких мужчин. Но мой сосед не видит меня в упор. Я для него – пустое место. И впервые в жизни я в полной мере ощутила, какое это блаженство – быть женщиной среднего возраста. Когда никто не замечает тебя, не заигрывает, не говорит ненужные комплементы. Вот это и есть желанная СВОБОДА. Ах, как приятно быть для окружающих пустым местом! Когда-то в детстве мечтала о шапке-невидимке. И вот я стала её счастливой обладательницей. Меня никто не видит, люди! Хорошо-то как!..

Зато я могу наблюдать за всеми, сколько захочу. Первое наблюдение: все стюардессы – натурально черноволосые и практически без краски на лицах. Как приятно, хоть на время, вырваться из мира крашенных блондинок!

Стюардессы разносили поздний ужин, и тут выяснилось, что никто из них не говорит по-русски. А я не говорю ни по-турецки, ни по-английски. Неожиданно для самой себя я стала общаться с ними по-французски. На уровне самых простых выражений. И они с охотой меня понимали.

Заметила: прежде чем приняться за еду, турки сначала пьют воду. Я тоже была рада пластиковой чашке с водой. Турецкая вода была необычайно вкусной! Из каких источников они её черпают?..

После ужина мой сосед углубился в созерцание боевика на персональном телеэкране. Молодая особа через проход безуспешно стреляла в него глазками. Она была из тех, кто пытается судьбу в каждую минуту жизни: а вдруг это то самое?.. а вдруг на этот раз повезёт?.. Кто-то безмятежно похрапывал... Стюардессы с чарующими улыбками собирали грязную посуду...

* * *

А через три часа полной черноты под крылом (там, внизу, было чёрное Чёрное море) – я увидела залитый огнями Константинополь... Стамбул... Царьград... второй Рим...

Да, чтобы увидеть ВСЮ красоту города, желательно первый раз прилететь в него НОЧЬЮ!.. Надо признать, что Москва, на которую я любовалась три часа назад, показалась мне, в сравнении со Стамбулом, – деревенькой с редкими огоньками...

Сейчас под нами был ОКЕАН ОГНЕЙ!.. Живая искрящаяся сказка... Она разливалась куда-то до горизонта, за горизонт – и не видно было ей конца...

Я усмехнулась сама себе: небольшой провинциальный городок?.. Это был МЕГА-ГОРОД!!! Мне казалось, я прилетела вообще на какую-то другую планету, состоящую из сплошных огней...

Мы спустились пониже и летели над Мраморным морем, почти касаясь его крылами... Я видела пароходы в порту и на рейде, шаланды и лодочки в заливах и лагунах... И всё это тоже сияло и переливалось гирляндами огней...

И посадочные полосы аэродрома сияли празднично-ярко!

Посадка была удивительно мягкой.

ПРИЛЁТЕЛА!

По-московскому времени – 00—30. По-стамбульскому – 23—30.

Прежде всего, просигналила в Москву, что со мной всё в полном порядке. И – Антону: что я уже тут. Он ответил, что ждёт меня на выходе...

Удивило название города по-турецки: ИСТАНБУЛ.

Удивили длинные горизонтальные эскалаторы – бегущие по просторам аэропорта дорожки... Удивили надписи на чужом языке: впервые в жизни я не понимала ни-че-го. Это – моя первая заграница. К иностранным языкам у меня нет способностей. Несколько фраз по-турецки, которые мне написал в блокноте Антон, и которые я старательно учила дома, я благополучно забыла. Так что действовала чисто интуитивно.

Паспортный контроль прошла быстро. Но долго ждала свой рюкзак – он всё не появлялся на транспортёре. Но потом и он, наконец, возник.

А на выходе меня ждал Антон в толпе встречающих.

– Никакой лирики! – быстро обняв и поцеловав меня, сказал он. – Скорей бежим на последний автобус! Может, он ещё не ушёл...

К счастью, он не ушёл.

Мы ехали около часа, и заботливый сын то и дело пытался накормить меня бананом: он забыл, что я не ем сладкого. Но я всё же съела кусочек этого плода – в Стамбуле, из рук сына, банан оказался очень вкусным, несмотря на свою сладость.

* * *

Вышли на пустынной остановке у Мраморного моря. Поразило тепло и ласка воздуха. И аромат цветущих вишен, смешанный с запахом моря... Упоительный, нежный запах Стамбула очаровал меня с первой же минуты...

Шли пешком по набережной. Антон отобрал у меня и рюкзак, и сумку. Было около двух часов ночи, вокруг ни души, в небе – полная луна... Сияли огнями корабли и лодки – на рейде и у берега... Было удивительно тихо, а воздух – полон благоухания, как в ботаническом саду. Мне казалось, что всё это – прекрасный СОН. И Мраморное море, и тюльпаны на газонах, и цветущие вишни...

А днём меня провожала московская метель?..

Так то – сон, или – это?..

Хотелось идти медленно-медленно, напиваясь ласковым теплом и ароматом... Хотелось растянуть эту чудесную прогулку с любимым сыном по ночному незнакомому сказочному городу...

– Антоша, давай не будем спешить. А то когда мы ещё с тобой будем гулять по Стамбулу ночью?

Он засмеялся:

– Ну, давай не будем спешить...

* * *

Потом мы поднялись по очень крутым каменистым ступеням, прошли в пролом в крепостной стене, которой две тысячи лет! – и оказались, собственно, в городе. В его стенах.

Прошли тёмными безлюдными улочками... И вот мы, наконец, в переулке под названием Шишманага. У светло-зелёного домика №14, освещённого уличным фонарём...

В Доме АВП все спали. Антон заранее приготовил мне вип-место: в маленькой комнате – тюфячок у стены.

На полу, в спальниках, спали девушка и два парня. Я расстелила свой спальник на тюфячке, блаженно забралась в него, но уснула не сразу, переполненная радостью, что вот, я уже здесь...

4 апреля 2012 года. День первый.

Чаепитие на берегу Босфора

Быстро позавтракав гречневой кашей, мы с Антоном отправились на прогулку по Стамбулу-Константинополю-Царьграду... По второму Риму.

Прошли сначала улочками-переулочками нашего микрорайона. Микрорайон по-турецки – «махалья». Во многих азиатских языках так же. Но если в Душанбе махалья – это район одноэтажных домиков за глухими, белыми глинобитными стенами, то в Стамбуле махалья состоит из двух-трёх-и даже четырёхэтажных домов. Но дома очень необычные – на наш, европейский, взгляд. Антон говорит, что это так называемая «османская архитектура».

Она, эта архитектура, весьма незамысловата. Простые прямоугольники фасадов, изредка украшенные балкончиками и окнами-фонарями. Дворов нет. Дома стоят вплотную друг к другу. И они необычайно узкие в анфас. Многие состоят из одного подъезда – как наш домик. Рядом с входной дверью – окно. Вверху – ещё одно окно. На третьем этаже – ещё одно. Три крошечные квартирки, как три кубика, стоят друг на друге. Вот вам и турецкий домик!

Но зато все дома – разноцветные: голубые, зелёные, жёлтые, салатные, розовые... Как леденцы!

* * *

Наш район называется Фатин (Победа). Это (если смотреть на карту Стамбула) довольно большой район на западе, в черте Старого города.

А наша маленькая махалья находится у моря, на юго-западной окраине Старого города. Махалья называется Едикюле, что в переводе означает «Семь башен». Неподалёку – старая крепость под таким же названием.

Какая-то удивительная переключка названий: крепость «Семь башен»... спектакль «Семь жизней»... Если вдуматься, то, может быть, семь башен – это семь опор нашей жизни?... Семь духовных опор, благодаря которым душа возрождается к новым жизням?... Я верю, знаю, что жизней может быть много. Анжелика, которая придумала этот спектакль, – она дитя народа, который тоже вечно возрождается к новой жизни. Анжелика – гречанка...

* * *

В трёх минутах от нашего дома – платформа Едикюле, здесь ходит электричка.

И здесь же, неподалёку, между тихой, почти безлюдной платформой и древней крепостью – развернулась стройка века: роют величайший туннель (типа Ла-Манша), чтобы соединить европейскую часть Стамбула с азиатской.

Этот туннель должен решить многие проблемы горожан. Антон, который изучает досконально жизнь города, с удовольствием просвещает и меня. В Стамбуле есть все виды транспорта, но все они – сами по себе. Есть две ветки метро – обе – в европейской части, но между собой они не соединены. Строится ветка метро в азиатской части города, но тоже – автономная.

Поэтому у жителей Стамбула большие проблемы с добиранием куда-нибудь.

Удобство только в том, что на все виды транспорта одна цена и общая карточка. Приобретаешь карточку, кладёшь на неё деньги – и катаешься на электричках, трамваях (новых и ретро), на метро, автобусах, фуникулёрах и даже паромов и теплоходах! Катаешься – пока деньги на карточке не кончатся. Но пополнить – не проблема. Были бы деньги.

Антон торжественно вручил мне красивую карточку для проезда. На ней – фото Стамбула на закате, с острыми шпилями минаретов...

Ехали на электричке вдоль Мраморного моря, которое в солнечном сиянии – не менее сказочно, чем было сегодня ночью в сиянии луны... Кстати, оно не кажется бескрайним, как Чёрное море, потому что здесь не видно горизонта – море всё забито судами. На рейде – огром-

ные океанские лайнеры, гигантские сухогрузы и множество лёгких, небольших судов, совсем маленьких шхун и яхт... Все они застыли на мраморной, сияющей глади спокойного моря – как талантливо исполненная декорация к волшебной сказке, которую мне предстояло увидеть...

* * *

Через десять минут мы вышли из электрички, поднялись вверх по узкой, горбатой улочке – и оказались в самом центре города. Недалеко от знаменитой Святой Софии.

Вокруг Софии было жарко, людно, пыльно и шумно: здесь толпились многочисленные группы экскурсантов, и в это же время здесь чинили мостовую. Клали плитку, примитивную, как в Москве. Мы с Антоном посмеялись, что московская мода на плохую плитку докатилась и до Стамбула.

* * *

Почему-то сама Святая София меня совершенно не впечатлила. Очень эклектичное сооружение... Антон окрестил св. Софию местным филиалом Василия Блаженного. А мне она напомнила гигантский вокзал...

Св. София очень стара, играла за свою жизнь то роль самого большого в мире христианского храма, то роль одной из самых больших мечетей. Достраивалась и перестраивалась множество раз. А теперь играет роль музея.

Музея – чего?.. Надругательства? Сначала – над христианской религией, – когда Константинополь захватили мусульмане. Затем – над мусульманской, – когда в 1924 году произошла революция, вроде нашей, октябрьской, и в стране стал насаждаться атеизм.

К Софии стояла длинная очередь, в основном, из иностранных туристов, но я не горела ни малейшим желанием в эту очередь влиться. Хотя мой добрый сын готов был стоять со мной в этой очереди, и купить мне дорожный билет, если бы я пожелала «отметиться в этом месте». Но я вообще не люблю музеи. Я люблю ЖИВУЮ ЖИЗНЬ.

Кстати, недалеко от Софии стоит Голубая мечеть – копия Софии. Ещё один гигантский вокзал...

* * *

Да, я люблю живую жизнь. Поэтому мы пошли дальше, минуя туристическую толпу. И оказались в прекрасном парке, где все газоны – в анютиных глазках, тюльпанах и гиацинтах, а в кронах огромных платанов гнездятся аисты! И это – в самом центре города!

Мы пошли через этот парк, полный света, красок и нежного тепла...

И вышли на высокий берег.

– А это – Босфор! – сказал Антон.

Я не верила своим глазам...

А сын, за плечами которого уже пол-мира, засмеялся, видя моё потрясение:

– Ну да, мама, – Босфор!

Босфорский пролив!.. Одно из самых волнующих и манящих географических названий! Что-то запредельно далёкое и недостижимое... В школьные годы, на уроках географии «Босфор» звучало так же нереально, как «Новая Зеландия», или «Антарктида»... Могла ли я мечтать тогда?.. Могло ли мне вообще прийти такое в голову, что когда-нибудь я увижу его? Нет, не могло.

Босфор был залит солнцем... Нежно-голубое свечение его вод сливалось со свечением искрящегося воздуха... И казалось, что это – дорога в Рай... Эта дорога звала, манила... Озноб узнавания коснулся холодком моего сердца, которому было почти больно от блаженства...

– Антоша, если б не ты, я бы никогда не оказалась здесь... Даже плакать хочется от счастья. Спасибо тебе!

– Ну, вот как хорошо всё, – улыбнулся он.

Весь мир был залит солнцем – и Босфор, и Мраморное море. И сам город, нежный, акварельный, который высится на горах, на мягких округлых горах, по обе стороны моря и про-

лива... На одном берегу Босфора – Европа, на другом берегу – Азия. Стамбул находится в двух частях света, как и мой любимый Оренбург. Но Стамбул – огромен, почти бескраен... Оренбург по сравнению со Стамбулом – игрушечный город.

Там, где мы сейчас, – это устье Босфора. Здесь он вливается в Мраморное море. Я удивилась, что столько кораблей в Мраморном море стоят неподвижно и никуда не плывут. Антон сказал, что суда ждут своей очереди, чтобы проплыть через Босфор. Ведь пролив не такой уж широкий и глубина его не везде подходящая для больших судов. Так что некоторые ждут по нескольку дней, чтобы просочиться через Босфор в Чёрное море.

Да, в игольное ушко пройти не так-то легко!..

От того, что здесь много солнца и много воды, и солнце отражается во всех водах, – у воздуха необыкновенное свечение...

Антон сказал, что сегодня – дымка, и от этого плохо виден ближний мост через Босфор. И совсем не виден дальний. Но для меня эта дымка была спасительна. Она была промежуточным состоянием между сном и явью. Она смягчала красоту окружающего мира и не давала меня оглушить и ослепить.

Мы поднялись на открытую веранду, сели за деревянный, низенький, некрашенный квадратный столик, на такие же низенькие табуреточки, и стали смотреть на сияющий, светящийся Босфор... с пенящимися хвостами катеров, снующих туда-сюда: с европейской стороны – в азиатскую, с азиатской – в европейскую...

А слева и справа, на нежно-округлых холмах, сияет красными черепичными крышами Константинополь – царский город, бывший когда-то самым большим городом мира... Да и сейчас остаётся одним из самых больших: пятнадцать миллионов в нём. И мы – две песчинки...

– Я думала: Стамбул – резкий и жёсткий, и в линиях, и в красках. А он оказался нежный, воздушный, акварельный – совершенно волшебный... Жаль, что я не умею рисовать. Этот город создан для импрессионистов! Город, красоту которого могут оценить и передать только художники. И поэты. Странно: почему все художественные натуры мечтают побывать в Париже – и мало кто мечтает о Стамбуле?

– А здесь живопись не популярна. В мусульманском мире вообще живопись не культивируется.

– Жаль... Такой пленер пропадает зря!

Нежность красок, мягкость оттенков... Но главное в Стамбуле – это освещение! Непередаваемое никакими словами сияние воздуха...

И тут возник официант. Положил перед нами меню.

– А без этого никак? – спросила я.

– Но это же чаёвница, – сказал Антон. – И потом: ты же не пила сегодня чая. Отказалась дома от зелёного. Хотела ведь чёрного чая?

– Хотела.

И он заказал мой любимый чёрный чай. Официант тут же принёс два медных чайничка – друг на друге: верхний (маленький) с заваркой, нижний (побольше) с кипятком. И – на крошечных блюдцах – две рюмочки. Да, в Турции пьют чай из маленьких стеклянных рюмочек, которые в своей середине утоньшаются. Кажется, что у рюмочек – талия. Называются эти рюмочки с талией – смешно для наших ушей: . Пьют в Турции чай, не торопясь, рюмочку за рюмочкой, помешивая микроскопические кусочки сахара маленькими, какими-то игрушечными ложечками. *бардак*

* * *

Мы пили чай долго-долго, и любовались Босфором... И говорили обо всём на свете... И я никак не могла поверить, что всё это – правда. А не сон. Сияющий Босфор... А рядом – любимый сын. И прекрасный город на нежных холмах...

– Антоша, мне кажется, что я вернулась домой... На свою прародину... я была здесь уже когда-то... Я УЗНАЮ ЭТИ МЕСТА...

– Я рад за тебя. А в Душанбе тоже раньше жила?

– И в Душанбе! То, что я пережила в Душанбе и на Памире – это вообще что-то космическое. Да, я жила в тех местах в какой-то предыдущей жизни. Я ещё напишу об этом...

Антон улыбнулся. Он, конечно, доверяет моим словам и моим переживаниям. Ведь я – его мать, как он может не доверять мне? Но говорит, что сам не верит в перевоплощения.

– А когда ты был маленький, верил, – говорю я. – И мне рассказывал об этом...

– Ну, когда был маленький... – усмехнулся он.

– Антоша, у тебя борода ещё больше поседела...

– Не больше. Просто я давно не подстригал её – и поэтому кажется, что больше...

Я смотрю на моего сына, такого взрослого и сильного, уверенного в себе и самостоятельного... Мужчина, который прошёл по дорогам трёх континентов, по дорогам семидесяти стран!.. Вот, уже седые волосы серебрятся в копне тёмно-каштановых волосах... и борода – как у аксакала! Но зелёные глаза, когда он смотрит на меня, – такие же тёплые и ласковые, как прежде, как всегда... Мой мальчик. Я хотела бы пройти с тобой ещё раз – всю нашу жизнь, каждый день которой – для меня драгоценен...

– Антоша, а я верю в то, что жила много раз. И буду жить ещё много раз. Я это очень остро чувствую. Вот скажи: Бог может всё?

– Бог может всё.

– Так неужели Ему так уж трудно дать мне возможность прожить много жизней? Чтобы сделать, осуществить всё, что мне поручено.

– Так ты постарайся за одну жизнь управиться, – сказал Антон.

– Нет, за одну не управиться никак... Кое-что я вынуждена оставить на будущие жизни.

– Например, что?

– Я хотела бы танцевать фламенко.

– Хм, фламенко?..

– А ещё я хотела бы усыновить много детей... Ну, как это всё можно вместить в одну – сегодняшнюю – жизнь?

– Ну, в качестве исключения, наверное, Бог даст тебе ещё жизни... – тепло улыбнулся сын.

Мы пили чай на берегу Босфорского пролива, и я рассказывала Антону про Енгибаровский вечер, который прошёл 15 марта. Хотя я уже писала ему об этом вечере, но рассказывать живую и видеть живую реакцию – это совсем другое. Ксюша читала стихи и новеллы из своей, только что вышедшей книги «Круглая многогрань». Эти стихи и новеллы были прекрасными подводками к номерам других артистов. Приехали молодые мимы из Питера. Маша Царёва показала свой спектакль, посвящённый Енгибарову. В общем, было здорово! А скоро состоится Каптеревский вечер! Я уже его подготовила. Осталось только Гавру и Ирочке Ходатай обзвонить две сотни людей – пригласить их на вечер: и тех, кто знал Каптеревых, и тех, кому только предстоит их узнать...

Антоша слушал очень внимательно. И обещал сделать объявление о Каптеревском вечере в своём Живом Журнале.

– Конечно, я не могу писать о том, что я их знал.

– Но ты же знал!

– Я слишком мал был тогда... так что писать об этом не буду. Но объявление сделаю. И «В Контакте» разошлю всем приглашения.

– Отлично!

* * *

А ещё я засыпала Антона вопросами про Стамбул, мне всё интересно, а я так мало знаю! Мне многое непонятно, я хочу во всём разобраться. Почему повсюду красные флаги, как у нас при советской власти? Разве Турция – не мусульманская страна?

И тут запел муэдзин... один, другой, третий... Молитва разнеслась над вечным городом... Вот это то, чего мне не хватало в Душанбе – пения муэдзинов...

Так разве Турция – не мусульманская страна? нет? светская? Тогда почему поют муэдзины? А, всё-таки и мусульманская тоже? Антон сказал: революционер Ататюрк объявил когда-то Турцию светской страной, мечтая влиться в европейское сообщество. Но – народ не смог отказаться от мусульманских нравственных ценностей. Тогда, спрашиваю я, если Турция всё-таки мусульманская страна, и если поют муэдзины, то почему Святая София – музей? Потому что закрыть её, как мечеть, успели, а открыть – ещё нет. Но, может быть, это произойдёт в скором времени... А почему Стамбул по-турецки Истанбул?

На многие мои вопросы Антон отвечал, а на последний не смог.

– Вот этого я не знаю. Спросим лучше у Петра Лагуткина, есть в Доме АВП такой мудрец, он изучает разные языки, наверное, знает и почему Истанбул...

* * *

Мне очень не хотелось покидать это место, откуда был виден Босфор во всём своём сиянии и великолепии... Место несказанной красоты.

Босфор – это мантия Бога!..

Я, наверное, могла бы просидеть здесь, медитируя, две стамбульские недели... Но Антону хотелось показать мне ещё много чего.

Когда мы шли обратно через цветущий парк, он сказал:

– Хотя ты не любишь музеи, но давай всё же заглянем в один.

– Зачем?

– Он – смешной! Тебе понравится. Это – Литературный музей, и там хранятся ОЧКИ турецких писателей!

Музей находился на выходе из парка. Очков там и впрямь было много. Каждый стенд, посвящённый какому-нибудь писателю, был украшен очками! Очки были самых разных фасонов и размеров. Было такое впечатление, что очки – это главное, чем должен обладать писатель, и что писателя без очков не бывает. А как же иначе? Писатель ведь должен видеть зорче всех других людей!

Ещё некоторые писатели были обладателями пишущих машинок, вроде моей старушки «Олимпии». Посмеявшись, мы собирались уже уходить, но моё внимание привлекли две огромные книги, лежащие в открытом доступе.

Я открыла одну из них... О!.. так вот зачем мы пришли в этот музей! Вовсе не из-за очков! В этой книге было множество старых фотографий и старинных гравюр Константинополя... Я листала страницу за страницей – и меня опять пробирал озноб УЗНАВАНИЯ. Я узнавала эти берега, эти пристани, эти старинные церкви, эти улочки... Я ЗНАЮ ИХ. Я ТУТ БЫЛА. Хотите – верьте, хотите – нет.

Всё происходило как во сне... Но этот сон был острее яви.

(Когда я вернусь в Москву, Гавр спросит: «А вы с Антошей были в Музее невинности»? И расскажет мне о турецком писателе, Орхане Памуке, лауреате Нобелевской премии, о котором он недавно прочёл в интернете. Памук написал два известных романа «Музей невинности» и «Стамбул. Город воспоминаний». Вот что мне надо срочно прочесть! А свою Нобелевскую премию Памук потратил на создание музея. Хотя его самого из страны выслали, как нежелательного гражданина. Памук писал о геноциде армян... Этого не смогли простить даже нобелевскому лауреату! Поэтому Орхану Памуку пришлось с грустью покинуть любимый Стамбул, в котором он родился, в который нежно влюблён. А по рождению Памук – черкес. Вот так вот).

* * *

Вкусная, необыкновенно свежая вода в старинном фонтанчике в парке...

Мы думали, этот фонтанчик давным-давно пересох и стоит, как декорация. Антон повернул краник – и вдруг оттуда хлынула упругая, чистая, сверкающая струя!..

* * *

– А залив Золотой Рог хочешь увидеть? – спросил Антон.

– Конечно, хочу! Ещё одно сказочное название... Стамбул – ожившая сказка!

И мы пошли дальше.

По старым улочкам, по узким улочкам... Мимо домов с разноцветными фасадами... А мимо нас проносились трамваи, необычайно длинные и гибкие, как ящерицы, проносились в полуметре от нас... И двухэтажные автобусы, набитые доверху пассажирами, похожие на чемоданы на колёсах... И гремящие мотоциклы, как гигантские оводы... И ярко-жёлтые такси... Все улицы в Стамбуле расцвечены жёлтыми такси, как осенними листьями... И всё это – практически вплотную к пешеходам, идущим по очень узким тротуарам, но больше – по проезжей части. Пешеходам приходится то и дело уворачиваться от гремящих оводов, ящериц, чемоданов на колёсах и жёлтых листьев-такси!

Магазины и магазинчики, лавочки без стен, товары стоят прямо на тротуарах – сладости, всякая сувенирная мелочь... Чистильщики обуви на каждом углу. Множество маленьких парикмахерских для мужчин, разноцветные полотенца сушатся на стоячих сушилках прямо на тротуарах. Продавцы жареных каштанов со своими красными жаровнями на колёсах... Продавцы бубликов с маком, несущие свой товар на больших подносах – на головах. Ловко лавируют в толпе... И как они не роняют эти пирамиды из бубликов?..

Антон в сувенирной лавке купил себе красную феску. Купил, как он говорит «для прикола», надел – ему идёт, но тут же снял. Смеётся: идти по Стамбулу в феске – то же самое, что по Москве – в ушанке, сразу видно – глупый иностранец.

* * *

На одной улице, рядом, вперемешку:

Женщины, укутанные с ног до головы во всё чёрное... Женщины в традиционных турецких платках и при этом – в брюках. Женщины с непокрытыми волосами, голыми руками и в джинсах в обтяжку...

Я думала, что увижу в Стамбуле то же целомудрие, что в Душанбе. Мне жаль, что Турция – не традиционно мусульманская страна. Зачем я тогда шила свою юбку?.. Женщины с сигаретами! да, даже такое можно увидеть. И все вокруг относятся спокойно ко всему. Каждый сам за себя решает: во что одеваться, курить или не курить.

Антон говорит, что это их вождь Ататюрк, поклонник всего западного, насаждал в стране и атеизм, и все западные «свободы»: разрешил алкоголь и курение. И сам этим грешил. Потому и умер ещё не старым от цирроза печени. Алкоголь сгубил пылкого революционера...

Ататюрк стал закрывать мечети. Но закрыть все не посмел. Точнее – не успел...

* * *

Шла и думала, что я вполне могла бы жить в этом городе... Если мои два деда (братья моей бабушки по отцу) Александр и Николай Салатенковы остались в этом городе. Если они тут остались, женились и пустили корни. Тогда в этом городе могут жить мои дяди-тёти, мои троюродные братья и сёстры, мои племянники...

Если бы я в семидесятые годы решила на эмиграцию, и если бы я была знакома со своей роднёй, я могла бы приехать в Стамбул и обосноваться здесь – на берегах Босфора... И этот город был бы МОИМ.

И я бы засыпала и просыпалась под пение муэдзинов, призывающих к молитве...

* * *

А когда-то этот город был центром христианства. И некоторых христиан сегодня раздражает пение муэдзинов в Константинополе.

Я христианка, но меня не раздражает.

Думаю, что призыв к молитве – он по своей глубинной, божественной сути – межнационален и межконфессионален. Он – НАД земными религиями.

Призыв к молитве. Призыв остановиться. Взглянуть в своё сердце. Вспомнить о Боге. И о тех, кого мы любим...

Призыв к молитве всегда понятен – на каком бы языке он ни звучал. И откуда бы он ни звучал – с колокольни или с минарета – он всегда звучит с Неба...

* * *

И всё длится и длится 4 апреля, мой первый день в Стамбуле...

Гуляем с Антоном уже много часов подряд...

* * *

Старинный железнодорожный вокзал. С витражными окнами, круглыми часами, пустынными платформами... Теперь отсюда ходит только электричка до западной окраины Стамбула.

– А раньше, – говорит Антон, – отсюда можно было уехать в Париж... И не только. Практически в любой европейский город... Железнодорожное сообщение с Европой было очень активным. А теперь ждэ-сообщение разрушено совершенно. Остались пароходы и самолёты...

Зашли в маленький музейчик на вокзале, где хранятся предметы прежнего ждэ-процветания. Сфотографировали старинный паровоз, стоящий на зелёном газоне у вокзала...

* * *

Пожилый мужчина, русский. Я была убеждена, что он – русский!

Почти старик, с очень красивым, благородным лицом, он неторопливо шёл с кейсом в руках – то ли на работу, то ли с работы... Меланхоличный, погружённый в свои мысли, отрешённый от окружающей суеты...

Я говорю Антону: «Может, это наш родственник?»

У меня было горячее желание подойти к этому человеку и обнять его. Но сын моё желание остудил... Наверное, он прав. В чём-то. А в чём-то было право моё сердце, которое теперь будет жалеть о том, что старик с кейсом прошёл мимо, и я не окликнула его. И никогда не узнаю его имени. А главное – отчества! Я была убеждена, что оно – Николаевич, или Александрович. А фамилия... Бабушка сказала, что братья, оказавшись за границей, изменили фамилию. В Одессе мои родственники носили русифицированную греческую фамилию, а за границей вернули своей фамилии, скорее всего, её настоящее звучание. Или, может, отуречили её? Кто теперь узнает?..

* * *

Я шла по Стамбулу и без конца оглядывалась, высматривая среди прохожих возможных родственников...

* * *

Мост через залив Золотой Рог, густо обсиженный рыбаками с длинными-предлинными удочками... И тут же – в ведрах и тазах – их обильный улов крупных сверкающих рыб... средних рыб, и мелких... Острый запах рыбы...

Так вот почему бухту называли Золотым Рогом! Это ведь настоящий золотой рог изобилия! Если в нём столько рыбы сегодня, то сколько же её было тысячу и две тысячи лет назад?! Наверное, заходили просто с берега в воду и брали руками – какая понравится... И каждый Божий день на протяжении тысячелетий Золотой Рог щедро дарит людям своё сверкающее богатство...

А с одного берега Золотого Рога на другой – и обратно – снуют десятки теплоходов и теплоходиков различных конфигураций. Простеньких и вычурных. Это здесь – обычный городской транспорт. Странно, что весь этот транспорт не запутывается в многочисленных рыболовных лесках, свисающих с моста...

Стамбул стоит сразу на многих берегах. На берегах Мраморного моря, на берегах Золотого Рога и на берегах Босфора. Многие горожане и многочисленные туристы со всего мира ездят-плавают туда-сюда. На всех берегах – множество пристаней. Акватория заполнена плавающими средствами, которые носятся каждый – своим маршрутом, и просто диву даёшься, что не происходит ежеминутных столкновений на водах...

* * *

Отсюда, с моста, хорошо видна Святая София и – чуть поодаль – Голубая мечеть. Они стоят среди моря красных крыш, над которым возвышаются острые шпили минаретов... Это – тот самый пейзаж, который тиражируется во всех фильмах про Стамбул, на магнитиках, на открытках, и даже на проездной карточке! Эта картинка – визитная карточка Стамбула.

Св. София – на что она похожа? Антон хорошо сказал: как будто дети куличей из песка налепили. В центре – кулич побольше, а вокруг – куличики поменьше. Очень простая архитектура. Да, когда-то св. София была крупнейшим христианским храмом во всей Византийской империи! Потом, когда сюда пришли мусульмане, они не стали разрушать это «собрание куличей». А приставили по бокам высокие минареты – и стала София мечетью.

И все остальные мечети в Стамбуле строят с тех пор по этому образцу: лепят куличики... Так что весь Стамбул в куличах!

* * *

Перешли по мосту Золотой Рог. Поднялись на мягкий холм улочек, разноцветных домиков... Все домики опутаны, как рыболовными снастями, бельевыми верёвками... Разноцветное бельё полощется на ветру...

Обратно решили проехать на трамвае. Но ехали совсем недолго, так как супер-новый трамвай был оснащён мощным кондиционером, и мы... замёрзли!

Выйдя из холодильника-трамвая в блаженный жар улицы, пошли пешком в сторону Мраморного моря...

Купили Антону мороженое, а мне – воду и помидор, большой и красный, субтропический, который я с наслаждением съела.

* * *

И мы пошли дальше улочками-переулочками...

На одной из улиц увидели школу – её высокий забор был опутан поверху колючей проволокой – чтобы перелезть через него было невозможно. А у проходной будки стоял могучий охранник.

Видно, проблема школы – это не только российская проблема, вздохнули мы. Ну, в России хотя бы нет на школьных заборах колючей проволоки! Колючая проволока угрожающе щетинилась на фоне синего, безоблачного неба... Интересно, а электрический ток по этой проволоке ещё не пустили?..

На школьном дворе – как в тюремном – с криками бегали дети...

На улице, у проходной, стояла кучка матерей, в ожидании, когда им выдадут их детей. Легко ли быть ребёнком – и легко ли быть матерью? Когда всё за вас решает государство...

* * *

Шли и фотографировали. Дома, домики и домушечки... А есть просто лачуги! Меня поразило, как много в Стамбуле самых настоящих лачуг. Слепленных вообще непонятно из чего – из какого-то сора...

Такие лачуги я видела только в пору своего раннего детства в Днепропетровске, на Философской улице. Но это было о-о-очень давно и это было после второй мировой войны. В разбомблённом городе жители сооружали себе жилища из того, что попадало им под руку. Но я не подозревала, что где-то и до сих пор живут так... Ну да, в Индии живут в картонных коробках, знаю. Но Индия не рвётся в Евросоюз, как это делает Турция.

При этом почти на всех лачугах – спутниковые тарелки!

* * *

– Неужели и здесь живут?.. – показала я Антону на покосившуюся лачужку с проваленным крыльцом и кривой, давно не крашеной дверью. (Здесь спутниковой тарелки не было.)

И в эту минуту обшарпанная, в трещинах дверь со скрипом отворилась, и из неё выглянула женщина средних лет в домашнем халатике – высокая, очень худая и потрясающе красивая! Её красота меня просто ошеломила... Особенно в сочетании с этой лачугой. Женщина была похожа на балерину Майю Плисецкую. Тонкие черты лица, огромные выразительные глаза, волна тёмных прекрасных волос над высоким лбом... Женщина приветливо нам улыбнулась... И – дверь закрылась.

Женщина выглянула как будто только для того, чтобы нам улыбнуться.

Я подумала: «Не мои ли родственники живут в этих трущобах?..» А иначе почему, увидев нас через своё запylённое окошко, эта женщина захотела поприветствовать нас? Не всем же проходим она улыбается своей чудесной улыбкой. И как её, не подвластная возрасту, красота уживается с этой ошеломляющей нищетой?.. Есть ли у этой женщины муж и дети? Или она совершенно одинока? И как она выживает? И как она оказалась в этой лачуге? Неужели она живёт тут от рождения?.. И были ли времена, когда крыльцо не было проваленным, а дверь не была такой обшарпанной и скрипучей?..

Здесь, совсем рядом, – Мраморное море. Так и не дождалась своего корабля с алыми парусами?..

И я подумала о том, что никогда не забуду эту прекрасную женщину на пороге покосившейся стамбульской лачуги... Её мгновенное явление – как строка из потрясающего романа, который мне не дано прочитать...

* * *

А из другой лачуги, что через дорогу, выскочил турок лет сорока, высокий и мощный, побежал за нами и стал злобно кричать на нас. И даже махать угрожающе здоровыми своими руками. Нет, это – не наш родственник, определённо не наш, подумала я.

Чего же хотел от нас воинственный местный житель? Он хотел, чтобы мы немедленно уничтожили фото его жалкого жилища. Да, мы посмели сфотографировать его сараюшку, увешанную бельём. Значит, и этот глядел на нас в окно? Интересно: а они больше ничем не занимаются тут? Только подглядывают в окно за редкими прохожими?..

– Антоша, он сейчас нас поколотит!

– Не обращай внимания, – сказал Антон. Взял меня за руку, и мы пошли своей дорогой. А вслед нам неслись злобные крики обиженного турка...

* * *

Забрались по крутым, осыпающимся ступеням на крепостную стену. Обозрели всё вокруг... Из-за черепично-красных крыш город кажется пряничным, сказочным, как иллюстрация к сказкам Ганса Христиана Андерсена...

Антон сказал, что черепичные крыши – это в Стамбуле такая традиция. Испокон веку крыши здесь покрывают черепицей. Но если раньше черепица была настоящей – из красной обожжённой глины, то теперь пластмассовая, или железная. Но на вид – как настоящая.

Лачуги и хибарки размножились в Константинополе ещё со времён Османской империи. Тогда был принят такой закон: если человек за ночь успел соорудить себе жилище – никто не в праве его сломать. Таким образом, в Османской империи решили жилищную проблему.

– И, по всей видимости, этот закон с тех пор никто не отменял! – со смехом сказал Антон.

Кажется, что многие дома изначально были одноэтажными. А потом росли вверх... Надстроить турецкий дом очень легко – это как положить наверх башенки из кубиков ещё один кубик. А на самом верху – на плоской крыше – может притулиться ещё и маленькая хибарка...

Непонятно только: как они протягивают туда водопровод и канализацию? Потому что Стамбул при всём при этом – цивилизованный город: здесь не увидишь на улицах чугунных

колонок с водой и деревянных уборных во дворах. Как в том же Оренбурге или, например, в Архангельске или Костроме... И таких городов в России (с так называемыми «удобствами во дворе») ещё много.

Спускаться с крепостной стены было страшновато... слишком узки и круты ступени, отсутствие перил и какой-нибудь загородки, на которую можно опереться. Но была наилучшая опора – рука моего сына. Держась за эту сильную и надёжную руку, я добралась-таки благополучно донизу. Ура, мы опять на земле!

* * *

Вышли за крепостную стену. И пошли вдоль неё.

Между крепостной стеной и тротуаром – довольно широкая полоса земли. Предприимчивые горожане засадили эту землю овощами. Бесконечный, тянущийся на километры, огород вдоль крепостной стены... На нём то тут, то там копошатся хозяева этих угодий – пропаляют, сеют, сажают рассаду, снимают урожай редиски, помидоров и салата... Весёлый пацан лет тринадцати тут же это всё продаёт.

... Читала, что в древние времена садов и огородов в Константинополе было больше, чем домов... Вот этот бескрайний огород вдоль крепостной стены – как воспоминание о тех огородах...

А вдоль огородов тянется шумное шоссе – хайвей Кеннеди. Но никого не смущает это соседство – огородов и сплошного потока машин. Вы спросите: а как же экология? Разве можно есть эти овощи? Видимо, можно, – если все с аппетитом едят. А за экологию здесь отвечает море. Оно совершает чудо: воздух в Стамбуле **ОЧЕНЬ** чистый.

* * *

Крепостная стена. Кое-где она превратилась в живописные руины... Но стоит же! Уж сколько времени стоит!

– Кстати, построена была довольно быстро, – говорит Антон, – не как египетские пирамиды. Город надо было охранять от врагов. Поэтому строили быстро! Многие хотели захватить это место. Лучшие места для города трудно найти...

Стена закрывала город со всех сторон. Войти в город можно было только через врата. Врат было много, и они охранялись.

Пока мы шли вдоль стены, кое-где вполне целой, кое-где руинистой, кое-где отреставрированной, Антон рассказывал, как эта стена сооружалась. Две тысячи лет тому назад. Ещё христианами. Первыми горожанами – византийцами: греками, римлянами... Строили вручную. Вытёсывали камни. Чем-то скрепляли. Интересно – чем? Цемент в ту пору не было. Но было же что-то вроде цемента...

– Может, скрепляли яичными белками, как китайскую стену? – предположила я. – Но сколько же надо было тогда иметь кур и яиц?! Чтобы склеить миллионы камней!..

Довольно быстро была построена крепостная стена вокруг всего города. И какой толщины! Да не одна стена! А три. Трижды стена. А сколько сторожевых башен! Почти сто. А сколько крепостей! Ну да, кое-где за полторы тысячи лет что-то обвалилось, но ведь стоит же!

Антон размышлял: можно ли в наше время соорудить что-то подобное – вот в таких же масштабах и за такой короткий срок? И как для этого организовать людей? И какие стимулы должны быть у строителей? И главное – чтобы без халтуры. Хотелось бы всё же знать: чем они скрепляли эти камни? Почему это всё стоит до сих пор? Кто это объяснит?

«Может, скрепляли молитвой?..» – подумала я.

Всё-таки древние люди – удивительные и непостижимые люди. Нам у них учиться и учиться. Всё, что они делали, – было на века, на тысячелетия...

* * *

А на противоположной стороне шоссе – параллельно ему и огородам – тянется мусульманское кладбище. Огромное... Мы перебежали шоссе и пошли по кладбищу. Здесь было без-

людно, встретили только двух мужчин. Сплошь мраморные надгробья. Я удивилась их пышности. Антон объяснил, что мрамор в Турции дешёвый, его здесь, на Мраморном море, добывают, и его тут навалом.

– Прямо со дна Мраморного моря добывают? – удивилась я.

– Зачем со дна? – удивился Антон.

– А я думала, Мраморное море называется мраморным потому, что его дно выложено мрамором. Даже у воды мраморный оттенок...

– Может, дно у него и впрямь мраморное. Но мрамор пока добывают на берегу – думаю, надолго ещё хватит. А потом и до дна моря доберутся! Если будет надо.

На кладбище поразили семейные надгробья. Оформленные как «книги жизни». И даже как собрание «книг жизни». Во многих книгах пока только дата рождения. Люди ещё живы, но место на кладбище их уже ждёт... Осталось вписать только дату смерти...

Интересно, что чувствует человек, который приходит на могилу своей бабушки, которая является и его собственной могилой?.. И убирается на ... Добавляет ли это философского отношения к жизни? И к смерти?.. *своей могиле*

* * *

Но в этом вечном городе не пахнет смертью! Здесь в воздухе разлита ЖИЗНЬ. Здесь пахнет морем и тюльпанами, рыбой и огородами, солнцем и ветром... и цветущей вишней... Не верится, что в этом городе кто-то болеет и умирает. В этом городе можно только ЖИТЬ!..

* * *

Загорелый, худой подросток весело продавал у дороги плоды огорода. Вся семья при деле. Кто-то здесь и живёт – на огороде: прилепив к тысячелетней стене свою хибарку...

А вот и чья-то могила тут. Какой-то рачительный и строгий хозяин завещал похоронить себя на родном огороде: чтобы и после смерти наблюдать, следить за тем, как работают на грядках его дети и внуки...

* * *

Да, лучшего места для города быть не может. Мраморное море. Бухта Золотой Рог. Босфор, соединяющий Мраморное море с Чёрным морем. А Мраморное перетекает в Средиземное...

Весь мир открыт и доступен тебе, если ты живёшь ЗДЕСЬ.

Конечно, многим хотелось захватить это лакомое местечко! Даже русские князья раскатывали губу на Царьград. Приходили, грозили, приколачивали свои щиты на ворота Царьграда. Хотели «забить место». Врат было много. Выяснить теперь, на каких именно вратах висел русский щит, уже не представляется возможным...

* * *

Когда мы вернулись домой, я попила чаю и тут же забралась в свой тёплый, уютный спальник. Ноги блаженно гудели...

Что запомнилось более всего за сегодняшний день?

Аисты в Центральном парке... Реки тюльпанов... Прекрасные старые фото и гравюры Константинополя в литературном музее... Золотой Рог, кишачий серебристой рыбой... Прогулка по старому центру... Железнодорожный вокзал... Крепостная стена, огороды... Прекрасная женщина в дверях лачуги... Чаепитие с видом на Босфор... Это – самое сильное переживание первого дня...

И я подумала, засыпая: «Если я когда-нибудь напишу книгу про Стамбул, я её так и назову – «Чаепитие на берегу Босфора»...

* * *

После нашей с Антоном восьмичасовой пешеходной прогулки по Стамбулу, я спала, как младенец, четырнадцать часов подряд!!!

Отоспалась за последние тридцать шесть лет жизни...

5 апреля, четверг. День второй. Обед с профессором – без профессора

Утром, за чаем, Антон объявил, что в полдень за нами приедет машина, и все желающие могут поехать на званный обед к Профессору.

Профессор – это известный турецкий путешественник, объездил много стран, написал много книг, заведует Туристическим центром в Стамбуле. Профессор с коллегами уже приходили на чай в Дом АВП. А теперь он пригласил на обед русских путешественников.

Я колебалась: ехать – не ехать? Хотелось идти гулять, бродить по городу. Не хотелось ехать куда-то, чтобы просто тупо поесть. Ведь общаться там будут, скорее всего, по-английски, и я ничего не пойму.

Но, с другой стороны, я очень соскучилась по Антону. И одного вчерашнего дня мне было мало, чтобы наобщаться с ним. И какая, собственно, разница, куда нас повезут, если я весь день буду видеть сына?

Так что я решила ехать. Всего нас было одиннадцать человек – выразивших желание пообедать с Профессором.

* * *

За нами прислали машину, похожую на газель.

Кроме шофёра, приехал молодой турок, прекрасно говорящий по-русски, которому полагось исполнять сегодня при нас роль гида. Я спросила, откуда он так хорошо знает русский язык. Оказалось, что «один из его родителей» (так он выразился) – из Одессы, и сам он часто бывает в Одессе. Он удивился и обрадовался, услышав, что мой отец тоже родом из Одессы, и у меня там полно родни, и мы с ним практически одновременно прошлой осенью были в Одессе. Нам показалось, что мы – почти родственники! Мы сошлись на том, что Одесса – очень красивый город. Турок оказался по профессии строителем. Особенно его восхищает в Одессе Оперный театр. Ну, когда он услышал, что мой отец тоже был строителем, и этот самый Оперный театр реставрировал, он пришёл в полный восторг!

Ну вот, а я боялась, что не найду общего языка с турками...

* * *

Этот молодой полу-турок, полу-одессит устроил нам потрясающую экскурсию по Стамбулу! Нас провезли сначала по европейской части города, по удивительно живописным паркам и набережным, где везде, везде цвели вишни, тюльпаны и гиацинты...

Потом мы прогулялись пешком узкими улочками к какой-то особо старинной мечети. И как раз в эту минуту запел муэдзин... И все желающие зашли в мечеть. Я – первый раз в жизни.

Потом мы поднялись на горку и посмотрели на подножье канатной дороги.

Потом нас перевезли через Золотой Рог, и – дальше – по огромному мосту – через Босфор! Длинному и летящему в пронзительной синеве – как стрела... Ах, как хотелось бы пройти по этому мосту пешком! Но наш гид сказал, что ходить по этому мосту пешком запрещено. Раньше было можно, а теперь – запрещено. Почему? – удивилась я. «Потому что было много самоубийств. Многие бросались с моста в Босфор...»

Я подумала, что, наверное, не мне одной Босфор показался дорогой в Рай... Может, они вовсе и не от горя бросались в него – а от счастья! Что вот, нашли эту дорогу...

* * *

Переехав в азиатскую часть города, спустились на набережную Босфора. Фотографировали мост и огромный океанский сухогруз, который неторопливо проплывал под мостом... И мост, и сухогруз смотрелись величественно и, одновременно, воздушно...

А потом нас повезли по азиатской части города, по узким и гористым улочкам, и привезли на какую-то фирму. Где нас якобы ждал Профессор.

Но обед с профессором оказался без профессора. Профессор куда-то улетучился. Он же путешественник! А путешественники все непоседы. Поэтому он поручил нас своим друзьям из строительной фирмы.

Накормили нас вкусно и сытно. В столовой на крыше.

Пришёл начальник фирмы. Купил у Антона книг на 150 турецких лир. (Одна турецкая лира – это 16 русских рублей).

Пришли ещё несколько турков средних лет. Антон и четыре англоговорящих турка плюс один русскоговорящий турок долго общались. Знающие английский как-то участвовали в беседе. Я фотографировала. Мужчина средних лет, которого обитатели Дома АВП называют «дядя Володя», снимал на видеокамеру всю дорогу и здесь тоже. (Потом он выложит в интернете отличные ролики). Рыженькая девушка из нашей компании, её зовут Аля, работала на ноутбуке и пыталась словить на крыше вай-фай. Она – редактор, ей надо срочно сделать большой кусок работы и отослать в Москву. Я вспомнила, как в молодости, куда бы ни ехала, везла обычно с собой чемодан рукописей, которые срочно надо было отрецензировать, и отослать рецензии бандеролью по почте в Москву. Ну, теперь это всё гораздо проще.

* * *

Потом нас везли домой, и можно было наслаждаться Стамбулом уже в другом – предвечернем освещении...

Получилась шикарная обзорная автобусная экскурсия! А я сомневалась: ехать – не ехать?

На обратном пути разговорились с Алей по поводу детей и детской литературы. Она, оказывается, пишет пьесы для детей, даже заняла первое место в каком-то конкурсе. И страдает от того, что хочет писать, а вынуждена (для заработка) редактировать плохое чужое, и на это уходит много времени и сил, а на своё уже не остаётся. Но зато за редакторскую работу хорошо платят, а за пьесы – пока не платят вовсе. И она вся в метаниях и сомнениях: как ей быть?.. Ну, мой совет простой: писать. А жить можно и на минимум, который можно заработать, не отдавая этому всё время и все силы. Тем более, если нет пока ребёнка. Она слушала меня, удивляясь, что наша семья, при довольно скромном достатке, ухитряется (или умудряется?) издавать книги и проводить разные мероприятия. Антон, к тому же, ещё организует по всему миру Дома АВП! *своё своё*

Все почему-то думают, что для того, чтобы что-то получилось, нужно много денег. На самом деле нужно только одно – ЖЕЛАНИЕ.

А началось всё с того, что Аля посела ко мне и спросила: как мне удалось воспитать такого сына, у которого всё получается?

Ну, секрет прост, да он и не секрет вовсе. Мы всегда планировали нашу жизнь, причём – планировали с самых первых лет его жизни. Решали вместе: куда пойти, куда поехать, что надо сделать... И – не откладывали это на мифическое. Начинали тут же осуществлять. Например, если мы решили отправиться в лес, а ливанул дождь, – мы всё равно шли в лес... *вместе, потом.*

И ещё одно важное условие хорошей жизни: не ставить деньги и барахло выше творчества, выше призвания.

«А правда, что ваша дочка Ксюша не ходила в школу? И как же она теперь?..» Да, правда. А теперь она очень хорошо – как и тогда, когда она не ходила в школу. Ксюша – творческая личность, как все в нашей семье. В школе её таланты и способности угробили бы. Школа должна помогать раскрываться талантам. Если она этого не делает, какой в ней смысл?.. «А чем занимается сейчас Ксюша?» Очень многим: обучает людей верховой езде, делает гобелены, пишет книги, играет спектакли... «И всё же: как вы решились не отдавать ребёнка в школу?» А я бы спросила тех родителей, которые отдают своих детей в школу: как вы решились на такое? Мало

того, что школа почти ничему не учит, она ещё калечит здоровье и ломает психику... Да вы прочтите лучше мою книгу «Легко ли быть ребёнком?», она есть в Доме АВП. Я там подробно пишу и про школу, и про многое другое, чем взрослые угнетают детей...

* * *

Вечером, за чаем в Доме АВП, Пётр Лагуткин, изучающий разные языки, объяснил, что значит Стамбул, и почему турки говорят «Истанбул».

Стамбул (по версии Петра) по-гречески значит «В город». Когда турки спрашивали греков: «Куда вы идёте?», те отвечали «Стамбул», что означает «В город». Или: «Идём в город».

Но турки физически-филологически не могут произнести в начале слова две согласные подряд: «ст». Поэтому ко многим заимствованным словам, где в начале идут две согласные, они прибавляют спереди звук «и». Это «и» ровным счётом ничего не значит, просто даёт возможность произнести слово. Вот и всё. А почему «м» у них превратилось в «н» – тоже, видимо, по филологической причине.

* * *

Как устроен стамбульский Дом АВП.

Обе наши квартиры – на первом этаже. Дверь в дверь. И если двери обеих квартир открыты, то кажется, что это вообще одна квартира.

Та квартирка, в которой сплю я, Катя с косичками из Пензы, Ильнур из Казани, Антон, Пётр Лагуткин и, бывает, ещё кто-то, в ней одна комната метров на девять. Кухни нет, но в комнате есть мойка и место для плиты. Мойка и место для плиты используется нами как стол. Место под столом и мойкой – как склад рюкзаков. Есть в квартире туалет и душ. Правда, душем пользоваться нельзя – потому что вся вода остаётся на полу и никуда не утекает. Но зато есть нормальный душ в другой квартире.

Вторая квартира тоже изначально – однокомнатная. Комната – меньше нашей, туалетно-душевая – тоже меньше нашей. Зато в закутке за ней – кухонька со всем необходимым: вода, плита, холодильник и даже стиральная машина! Таких шикарных условий, наверное, не было ни в одном из предыдущих домов АВП. Но, когда Антон снял квартиры, кухонной утвари не было никакой, поэтому всё пришлось приобретать: плиту, кастрюли, чайники, пиалы-кружки и всё-всё необходимое...

Как однокомнатная квартира превратилась в двухкомнатную? Очень просто: предприимчивые хозяева прорубили дверь во внешней стене – прямо во двор! Оказывается, дворы в нашей махале всё же существуют. Но это – скрытые от постороннего взгляда, внутренние дворы. Чтобы понять, как образуется такой двор, возьмите десять детских кубиков и выложите из них прямоугольник. (Кубики будут играть роль домиков). Внутри этого прямоугольника окажется небольшое замкнутое пространство. Это и есть стамбульский дворик. С улицы его не видно и попасть в него с улицы никак невозможно. В этих двориках нет асфальта, здесь не гуляют дети, здесь разгуливают только кошки и цветут вишни и магнолии... Может быть, кто-то сажает свой маленький огородик...

Итак, хозяева нашей квартиры захватили часть внутреннего двора, пристроив к своей микро-квартирке ещё одну комнату. В эту комнату ведут три ступеньки из кухоньки – вниз. Эта, пристроенная комната, не имеет фундамента: пластиковый пол лежит, видимо, прямо на земле.

Но и на этом хозяева не остановились. Гулять – так гулять! И – отгородили ещё приличный кусок двора глиняной оградой, устроив, таким образом, внутренний персональный дворик. Как бы балкон, с земляным полом. На этот «балкон» можно попасть через широкие стеклянные раздвижные двери. На этом «балконе» спит часть народа, которая не помещается в доме. Балкон – девять квадратных метров! Здесь натянуты верёвки для белья. И сюда забредают местные кошки...

Наш балкон почти упирается в дом, что стоит напротив. И жильцы этого дома порой с интересом наблюдают из своих окон жизнь нашего Дома Для Всех...

А рядом с балконом – высокая старая вишня, вся в цвету!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.